

NON-FICTION

Яков Гордин

ЦАРЬ И БОГ:
ПЕТР
ВЕЛИКИЙ
И ЕГО УТОПИЯ

« А З Б У К А »

Яков Аркадьевич Гордин
Царь и Бог. Петр
Великий и его утопия
Серия «Non-Fiction. Большие книги»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72099373

*Царь и Бог: Петр Великий и его утопия / Яков Гордин: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2025
ISBN 978-5-389-29627-5*

Аннотация

Петр Великий, первый российский император, – одна из самых заметных и противоречивых фигур мировой истории. Годы правления Петра I – это эпоха реформ и кардинальных изменений, коснувшихся всех сфер жизни русского общества. Вместе с тем реализация планов царя по преобразованию России, превращению ее в мощную европейскую державу потребовала небывалых жертв. В жертву своей грандиозной мечте Петр I принес и собственного сына – царевича Алексея, наследника престола, обвиненного в заговоре против отца-самодержца.

Книга известного писателя, историка, публициста Якова Гордина, основанная на обширном документальном материале, погружает нас в Петровскую эпоху. В центре внимания автора – личность монарха, движимого представлением о собственной

высокой миссии и пользующегося неограниченной властью, а также сложный, постепенно возникший и неразрешимый конфликт между ним и его сыном. Личная трагедия Петра I – «дело» царевича Алексея и его убийство – имела серьезные последствия для русской истории и до сих пор нуждается в осмыслении.

Издание снабжено вклейкой с иллюстрациями и будет прекрасным подарком всем любителям отечественной истории.

Содержание

Автор читателю о герое	7
Пролог утопия как политический проект	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Яков Гордин Царь и Бог: Петр Великий и его утопия

Моей жене Наталии Рахмановой

Он Бог, он Бог твой был, Россия.

М. В. Ломоносов

– Он придет, и имя ему человекобог.

– Богочеловек?

– Человекобог, в этом разница.

Ф. М. Достоевский. Бесы

NON-FICTION

© Я. А. Гордин, 2025

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2025 Издательство Азбука®

Автор читателю о герое

«...Всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, по моему разумению в сущности история великих людей, потрудившихся здесь на земле», – писал Томас Карлейль¹. Мысль Карлейля не безусловна. Скажем, Лев Николаевич Толстой придерживался противоположной точки зрения, и его взгляд ближе автору этой книги. Но нам никуда не деться от того, что именно «герои», «великие люди» дают исследователям человеческой истории яркий и смысло-содержащий материал, который позволяет в известной мере осознавать суть тех или иных явлений мирового процесса.

Не много найдется в мировой истории персонажей, которые в такой степени заслужили титул Великого, как царь Петр I, и заставили массу мыслящих людей размышлять об уроках произведенных им потрясений.

Философ, политик, боевой офицер Первой мировой войны, обладавший, соответственно, глубоким многообразным опытом, Федор Августович Степун, один из блестящей плеяды русских мыслителей XX века, закончил свою мемуарную сагу «Бывшее и несбывшееся» горьким признанием: «Хотя мы только то и делали, что трудились над изучением России, над разгадкой большевистской революции, мы этой загадки

¹ Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 2008. С. 7.

все еще не разгадали»².

Он писал это в эмиграции, в 1948 году.

Признание Степуна, на мой взгляд, могут повторить честные исследователи, годы труда положившие на изучение революции Петра и личности великого революционера.

В грандиозной эпопее Петра Великого все поражает своим трагическим размахом – от военных планов до семейной драмы (финал его отношений с Екатериной и казнь ее любовника), от геополитических мечтаний до страстного увлечения «уродами», собираемыми в Кунсткамере, от свирепой ломки старомосковского быта и его нравственных представлений до лихорадочного возведения новых учреждений, от трогательной нежности к младенцу Петру Петровичу, последней надежде на достойное продолжение династии, до безграничной жестокости и непреклонной ненависти к старшему сыну.

Все в бытии Петра Алексеевича принимало гомерические формы, включая и пьянство при его дворе.

И потому неизбежно вспоминается суровая формула, предложенная Пушкиным для восприятия гибели декабризма: «Не будем ни суеверны, ни односторонни <...> но взглянем на трагедию взглядом Шекспира»³.

Пушкин предлагал соотнести масштаб события с масшта-

² *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. Т. II. С. 429.

³ *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 13: Переписка. С. 259.

бом восприятия, то есть с выбором критерия для оценки явления. Обладая мощным инстинктом историка, он сознавал, что проблема выбора масштаба восприятия – одна из ключевых во взаимоотношениях с событиями и персонажами.

В сентябре 1833 года, по пути в пугачевские места, за месяц до того, как он начал писать «Медного всадника», Пушкин сказал Дально о своих занятиях историей Петра: «Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина: он слишком огромен для нас близоруких, и мы стоим еще к нему близко, – надо отодвинуться на два века, но постигаю его чувством»⁴.

Удивительным образом через сорок лет, в письме к Николаю Николаевичу Страхову от 12 декабря 1872 года, Лев Николаевич Толстой другими словами повторил ту же мысль: «Обложился книгами о Петре и его времени, читаю, отмечаю, порываюсь писать и не могу... На что ни взглянешь, все задача, загадка, разгадка которой только возможна поэзией. Весь узел русской жизни сидит тут»⁵.

В «Медном всаднике» Пушкин предложил поэтическую разгадку, но как историк пришел, скорее всего, к горькому осознанию неразрешимости задачи в близком будущем.

Толстой, будучи не робкого десятка, но осознавая масштаб задачи, подбирал временные варианты, вплоть до уxo-

⁴ Даль В. И. Воспоминания о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 224.

⁵ Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Т. 18. М., 1911. С. 194.

да в глубину столетий, тасуя персонажей – от самого Петра (юного и зрелого) и людей вокруг него до крестьянских семейств, живших в петровские времена на землях Ясной Поляны, – исписал сотни страниц и отступился.

Но оставил нам железную формулу: «Весь узел русской жизни сидит тут».

Когда мы обращаемся к истории великих людей, вне зависимости от наших концептуальных установок, то неизбежно встает проблема – как определить понятие «величие».

Предлагаемый ответ – масштаб замысла, решительность в его реализации и безусловная связь с конечным результатом.

Пушкин думал об этом и сказал с присущей ему точностью: «Высшая смелость – смелость воображения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслью...» И конкретизировал: «Единый план „Ада“ есть уже плод великого гения».

Речь здесь не только о литературе. При подобном подходе надо признать, что Петр был безусловно гениален. Великий мечтатель (первый «кремлевский мечтатель»), он был и великим организатором, сумевшим поставить на службу своему замыслу все ресурсы того пространства, той человеческой общности, которые он контролировал.

И тут встает и еще одна, быть может, главная проблема – проблема смысла и цены великих свершений.

Горькое несоответствие благих намерений и способов исполнения было столь очевидно в революции Петра, что бро-

салось в глаза даже сторонним наблюдателям.

Астольф де Кюстин, знакомившийся достаточно поверхностно с русской историей перед своим путешествием в Россию и наблюдавший достаточно бегло плоды петровских деяний во время пребывания в северной империи, тем не менее многое понял: «... Сей государь, причинивший своей поспешностью столько зла, избавился в один день от вековых оков. Сей тиран, насаждавший добро и возжелавший обновить свой народ, не ставил ни во что ни природу, ни историю, ни прошлое людей, ни их характеры и их жизнь. Подобные жертвы позволяют без труда достичь великих результатов. Петр достиг их, но крайне дорогой ценой, а дела столь великие редко бывают добрыми»⁶.

Здесь достаточно ясно сформулирован фундаментальный парадокс: истинное величие, при достижении которого игнорируются природа, история, человеческая натура, то есть объективная реальность, содержит в себе немало зла. Безжалостным способом и огромной ценой достигнут великий результат. Величие результата и героя – несомненно.

Но что дальше? Дальше необходима трезвая оценка достигнутого. Извлечение уроков.

Мудрый и многознающий Михаил Александрович Фонвизин, размышляя в Сибири о результатах петровских деяний и отдавая должное его внешнеполитическим успехам, горько спросил: «Но стал ли русский народ оттого счастли-

⁶ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. СПб., 2008. С. 302.

вее?»

На мой взгляд, в ответе на этот наивный вопрос – главная задача интеллектуальной историографии, неизбежно переходящей в историософию.

Характеризуя исследование Павла Николаевича Милюкова «Государственное хозяйство в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», Евгений Викторович Анисимов заметил: «Не соглашаясь со многими выводами Милюкова <...> мы не можем не отметить, что в книге Милюкова впервые в литературе была четко поставлена одна из центральных проблем историографии петровских преобразований – проблема „цены реформы“»⁷. В работах самого Анисимова эта проблема возникает постоянно.

Соотношение величия замысла – построение Великой Утопии, «регулярного» государства, работающего как отлаженный часовой механизм, расширение пределов идеального государства – и цены, которую страна платила за эту величественную попытку как в период преобразований, так и в последующие столетия, должно определять и стилистику восприятия событий, не описания, а именно восприятия.

Один советский историк, автор вполне традиционной монографии, неожиданно обмолвился фразой, полной смысла: «Жестокая, драматическая, грандиозная эпоха Петра Великого требует суровых рембрандтовских красок»⁸.

⁷ Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 5.

⁸ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 19.

Суровый колорит рембрандтовских полотен выявлял, помимо драматизма их смыслового ряда, и трезвую суровость зрения художника.

Когда Феофан Прокопович, один из центральных персонажей этой книги, создавал концепцию абсолютной, бесконтрольной и безответственной власти Петра и опирался на библейские прецеденты, это был не только сильный демагогический прием, но искреннее ощущение масштабов происходящего в России. Библейских масштабов.

Уже цитированный нами Федор Августович Степун, человек верующий, наблюдая тектонические катаклизмы 1917–1918 годов, осознал, что на его глазах происходят события библейского масштаба, сравнимые с Сотворением мира, как оно описано в Книге Бытия, – неистовая попытка создания новой реальности.

Петр, демиург, тоже созидал некий небывалый прекрасный мир, и это уподобление вполне подходит и к его революции.

Автор важного для нашей проблематики исследования «От Петра до Павла. Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа» Александр Борисович Каменский, характеризуя государственных деятелей, пришедших к власти после смерти Петра, пишет: «Это были опытные, хорошо информированные администраторы, прошедшие школу Петра. Но в отличие от своего учителя, который при всем своем жестком рационализме был еще отчасти и романтиком,

имевшим определенные идеалы и мечтавшим об их достижении хотя бы в отдаленном будущем, верховники проявили себя откровенными прагматиками»⁹.

Высокопрофессиональному историку Каменскому свойственны осторожность и «взвешенность» формулировок. Но дело в том, что «романтик» Петр не намерен был откладывать реализацию своих «определенных идеалов» в отдаленное будущее. Героика и трагедийность его революции в том-то и состояла, что он пытался осуществить свои замыслы, свои идеалы – немедленно, подчиняя реальность своему «романтическому» напору.

Необычайная парадоксальность сознания Петра заключалась в сочетании «жесткого рационализма» и безудержного утопизма. Это была вулканическая смесь, порождающая катастрофический эффект.

Эту парадоксальность очень точно, по своему обыкновению, определил Пушкин в знаменитой максиме: «Достоинна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, – вторые вырвались у нетерпеливого само-

⁹ Каменский А. Б. От Петра до Павла. Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 206.

властного помещика»¹⁰.

Беда была в том, что идеальное «регулярное» государство, основанное на мудрых принципах – «идеалах», – было в далеком будущем, вечности. А сиюминутные преобразования производились кнутом, плахой и дыбой.

Сознание православных людей того времени, а тем паче ориентированных на Ветхий Завет раскольников, должно было уподоблять происходящее великому бедствию, предсказанному в Библии.

Антихрист, с которым в народе ассоциировался Петр, – библейский персонаж, перешедший в новозаветную мифологию и особенно ярко представленный в Апокалипсисе как гонитель и истребитель всех, кто мешает ему выполнять свою страшную миссию.

Московские книжники предполагали, что Петр – это тот самый восьмой царь из Откровения Иоанна Богослова. Если отсчитывать от Ивана IV, не считая Лжедмитрия, то все получается арифметически точно. И по катастрофическим последствиям царствования – тоже.

У Иоанна в главе 17 сказано: «И семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой и из числа семи, и пойдет в погибель». Туманный смысл пророчества не делал его менее грозным. – И царство будет отдано «зверю», восьмому царю, «доколе не ис-

¹⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 10. С. 256.

полнятся слова Божии».

В одном из вариантов «Николая Палкина» поздний Толстой со свойственной ему в это время предельной определенностью позиции откликнулся терминологически на это пророчество: «Беснующийся пьяный зверь... четверть столетия губит людей...»

Но были и вполне определенные предсказания, соответствующие представлениям не только о личности и предназначении Антихриста, но и о характере Петра-воителя.

В среде сибирских старообрядцев родилось поверье, что Петру предназначено завоевать Царьград, а затем и Иерусалим, где он сотворит чудо и будет признан жителями Иерусалима «царем своим богом».

Антихрист, лжемессия, тоже может творить чудеса. Но через три с половиной года явится истинный Спаситель, сокрушит Антихриста и свершится Страшный суд.

Дело в данном случае не в оценке деяний Петра, а в том, что они меряются самой высшей мерой – чрез них должны наступить Страшный суд и конец света.

Петровская эпоха, с болью, с кровью выбиравшаяся из плотного и вязкого бытового и психологического пространства Московской Руси, была последней эпохой в истории Российской империи, насыщенной библейскими реминисценциями, создававшими смысловой фон событий. Грубая военизированная европеизация вытеснила своей рациональностью ветхозаветный текст с его метафоричностью на глу-

бокую раскольничью периферию.

Именно ветхозаветная грандиозность отвечала существованию происходившей жизненной ломки.

Одиннадцатая глава Книги Бытия содержит один из самых мощных и загадочных сюжетов Священного Писания – драму Вавилонской башни.

«И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес; и сделаем себе имя, прежде чем рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот один народ, и один у всех язык, и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого».

Возвести башню до неба могла только единая человеческая общность – «...один народ, и один у всех язык... и не отстанут они от того, что задумали делать». Как только общность распалась, сменившись многообразием, исчезла и гибельно-героическая энергия. Это осознавал Господь, и это понимал Петр. И помимо прочего, его титанические усилия были направлены на создание этого единства, которое и должно было обеспечить успех возведения его «башни до неба».

В известном смысле он этого достиг. Во всяком случае, Пушкин считал, что одна из задач на этом пути была Петром решена. – «История представляет около его всеобщее раб-

ство ⟨...⟩ все состояния, окованные без разбора, были равны перед его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось»¹¹.

Сохранить это состояние единства – «равенства перед дубинкою», осознаваемое как норма, – не удалось. Но подобные мощные эксперименты не проходят бесследно.

В теологической литературе есть толкования этого сюжета. Задумав совершить этот странный подвиг – построить башню до неба, – вдохновленный спесью – «сделаем себе имя», то есть прославим себя, – люди противопоставили себя Божьему величию. Но Господь недоступен для чувства обиды и не опасается соперничества.

Что же так обеспокоило Господа в смелом проекте этой утопии – возведении города с башней до неба? (Обычно забывают, что башня была не сама по себе.) Возможно, он провидел то, чего не могли предвидеть дерзкие строители. Например, избыток гордыни и агрессии как следствие успешного завершения их подвига. Возможно, он предположил – на какое новое и уже самоубийственное деяние они, обуянные гордыней, решатся...

Быть может, эта неудача спасла род человеческий?

Петр как строитель утопии потерпел тяжелую неудачу. Построить регулярное государство и вытесать нового рационального человека не удалось. Ценой невероятных усилий и жертв был выстроен неполный костяк грандиозной уто-

¹¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 8. С. 122.

пии – ее силовая составляющая, вооруженная сила, способная успешно выполнять свои функции. Но для колоссальной многовекторной конструкции – Запад, Восток, Север, Юг – этого оказалось мало. Недостроенность, незавершенность конструкции стала мстить за себя, заставляя приносить все новые и новые жертвы, чтобы сохранить бытийное равновесие.

Это была неудача, но неудача библейского масштаба. Такие неудачи иногда меняют ход человеческой истории в не меньшей степени, чем удачи.

Библейские ассоциации возникали именно благодаря нечеловеческому масштабу жизненного слома и потрясения. Библейский масштаб происходящего парадоксально оправдывал глубину и тяжесть испытаний, в которые погрузил свой народ царь-революционер.

Люди, одни осознанно, другие инстинктивно, ощущали себя персонажами высокого безжалостного действия – подданными Антихриста, а не какого-то деспота-самодура. Судьбы мира решались с их пускай пассивным, но участием. На их глазах свершались пророчества.

Этот трагический парадокс лежал в основе смертельного конфликта Петра и его сына, царевича Алексея Петровича, чему посвящена значительная часть предлагаемой книги. Недаром Алексей был углубленным знатоком Священного Писания.

Это был конфликт надчеловеческого, сверхчеловеческого

с человеческим, быть может, слишком человеческим. (Прошу считать это не отсылком к известной книге Фридриха Ницше¹², а просто использованием адекватной терминологии.)

Смысловая насыщенность и вулканическая катастрофичность Петровской эпохи, равно как и личность первого императора, могут и должны восприниматься только на пересечениях ключевых ассоциаций мировой истории в ее краугольных моментах. Ибо тогда в европейское существование, а через это – в мировую жизнь вошел этот феномен, излучавший брутальную тревогу, – Россия Петра Великого.

Предлагаемая читателю книга, по сути дела, есть продолжение работы, которой я занимался в 1980-е годы.

В декабре 1991 года я закончил книгу «Меж рабством и свободой», центральный сюжет которой посвящен событиям 1730 года, когда была сделана отчаянная попытка ограничить самодержавие и ввести в государстве Российском элементы представительного правления.

На мой взгляд, эти события были органично связаны с «делом» царевича Алексея Петровича, и в первой части книги – «Канун», – предваряющей главный сюжет, была рассмотрена ситуация 1715–1718 годов. Причем меня категорически не убеждала традиционная трактовка трагического конфликта, безответственно его упрощающая, в то время

¹² Фридрих Ницше. «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» (1876–1877).

как он отбросил зловещую тень на все последующие столетия нашей истории.

Из глав этой части, существенно расширенных принципиально новым материалом и включенных в более широкий контекст, и выросла предлагаемая читателю книга.

Некоторое время назад, в № 9 журнала «Родина» за 1999 год, я прочитал очерк американского (некогда российского) историка Пола Бушковича «Мне отмщение...» с подзаголовком «Новый взгляд на дело царевича Алексея Петровича».

Мне было приятно, что соображения, которые были мной очерчены в работе 1989–1991 годов, оказались созвучны взглядам маститого историка. Дело здесь не в приоритете, а в том, что мы с Полом Бушковичем независимо друг от друга пришли к схожим представлениям в основных принципиальных моментах.

После этого я познакомился с монографией Бушковича «Петр Великий. Борьба за власть» (СПб., 2008), насыщенной чрезвычайно важным материалом из европейских архивов, что дало возможность исследователю существенно скорректировать некоторые устоявшиеся представления о политической ситуации в России эпохи реформ. Впервые судьбе Алексея Петровича и его роли в жестокой политической борьбе отведены два больших раздела монографии. Отчасти сюжеты этих разделов и глав, посвященных личности и трагедии царевича в предлагаемой читателю книге, пересекаются.

Но только отчасти.

Мной рассматривается период между концом 1713-го и серединой 1718 года. На мой взгляд, это был решающий момент, когда окончательно определились представления Петра о своей миссии, о своем месте в мире, о границах дозволенного монарху и о дистанции между царем и Богом. Именно в этот период – в 1716–1718 годах – была задумана и частично осуществлена «каспийская авантюра», дорого стоившая России. Военизация всей государственной жизни была изначально одной из ведущих идей петровского царствования. Но стремительное формирование модели государственного устройства как мощной машины для изъятия у населения средств на содержание многочисленной армии и строительство флота, в частности разработка податной реформы, происходило именно в 1716–1718 годах.

В центре этого пятилетия, по своей смысловой сгущенности стоившего доброго столетия, закономерно оказалось «дело» Алексея Петровича, далеко выходящее по своему значению и смыслу за пределы семейной трагедии и династического кризиса. Разумеется, за пределами книги остаются многие требующие особого рассмотрения проблемы. Например, серьезнейший и драматический сюжет – сношения Алексея во время пребывания в империи с европейскими государствами, особенно «шведский след» нуждается в дополнительной и подробной работе с материалами европейских архивов. Здесь мы имеем дело с гибельными замыслами от-

чаявшегося человека. Очевидно, что приход во власть с помощью иноземных штыков не поддержали бы ни русский генералитет, ни общенародие.

И прежде, чем завершить это объяснение с читателем, я хочу вспомнить русского историка Николая Герасимовича Устрялова, который в своем шестом томе «Истории царствования Петра Великого» опубликовал основную часть материалов следствия по «делу» царевича Алексея.

Я считаю своим долгом поклониться памяти Михаила Петровича Погодина, Василия Осиповича Ключевского и Павла Николаевича Милюкова, которые во многом заложили основания для трезвой оценки революции Петра Великого.

Необходимо вспомнить недавно ушедшего Дмитрия Олеговича Серова и его исследования по криминальной истории петровского царствования, без которых невозможно понять особость свершившегося тогда катаклизма.

Хочу отметить то значение, которое имели для меня, особенно в начале работы над данной проблематикой, исследования Евгения Викторовича Анисимова, в частности его монография 1982 года «Податная реформа Петра I».

Приношу искреннюю благодарность профессору университета Париж-Сорбонна Александру Сергеевичу Лаврову, чьи исследования были чрезвычайно полезны и с чьей помощью мне удалось познакомиться с ценнейшими материалами, касающимися личности Алексея Петровича.

Искренняя благодарность Ирине Бенедиктовне Комаровой за переводы английских и немецких текстов.

Быть может, главным моим проводником по суровому и опасному пространству Петровской эпохи, как и вообще по пространству русской истории, был непреклонного мужества и честности мыслитель – Александр Сергеевич Пушкин, первый историк, прочитавший и оценивший материалы «дела» Алексея Петровича и задумавшийся о «цене реформ» и о соотношении великих замыслов первого императора и «народного счастья».

До того как Пушкин написал «Медного всадника», он уже познакомился в архиве с материалами «дела» Алексея и, соответственно, знал, что измученный страхом перед грозным отцом – еще до своего бегства и следствия – Алексей мечтал о скромной жизни частного человека в союзе с любимой женщиной.

Параллель: «Кумир на бронзовом коне» – жалкий Евгений, в одном случае, а в другом – Петр, исполин с великими замыслами, – заурядный по сравнению с ним Алексей, олицетворяющий простую мечту о мирном существовании, – разумеется, не безусловна. Но стоит того, чтобы ее обдумать.

Гениальный «Медный всадник» не есть ли в известном смысле, помимо прочего, метафора трагической коллизии Петра и Алексея, которой Пушкин на основании подлинных документов посвятил сильные страницы в своей «Истории»?

Мы, живущие в государстве, неколебимые доселе осно-

вания которого заложил первый император, при каждой попытке осознать его роль в нашей судьбе погружаемся в бездну противоречивых и пугающих ассоциаций. Но бояться этого не следует, если мы хотим хотя бы приблизиться к пониманию своего места в современном мире и будущего наших внуков и правнуков.

Недаром три гиганта нашей культуры – Пушкин, Толстой, Достоевский, – олицетворяющие к тому же и совесть России, большую часть своей сознательной жизни упорно размышляли над великой загадкой Великого Петра.

Пролог утопия как политический проект

*Есть разница между утопистом и реформатором, то есть человеком, который исправляет существующий мир, вместо того чтобы возводить на его месте новый.
Ежи Шацкий. Утопия и традиция*

*Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контрреволюции революции Петра.
Пушкин – Вяземскому. 16 марта 1830 г.*

Утопическая традиция, возникшая в глубокой древности, многообразна.

Нас в данном случае интересуют те утопические модели, создатели которых стремились к воплощению государственного идеала вполне определенного типа.

Мы возьмем для беглого рассмотрения два типа утопических проектов. Об одном из них писал Ежи Шацкий, польский социолог, автор фундаментальной работы, из которой взят эпиграф: «Вольтер сказал как-то, что Руссо призывает людей опуститься на четвереньки. Ничего подобного. С тем же успехом можно было бы обвинить канцлера Мора в том, что он призывает англичан наперегонки плыть на его счаст-

ливый остров (Утопию. – Я. Г.). Дело не в практических рекомендациях, но в том, чтобы продемонстрировать теоретическую альтернативу существующему состоянию, в котором царят насилие, угнетение и вражда»¹³.

Относительно практических рекомендаций дело тоже не просто. Но примем этот тип утопий как преимущественно теоретический.

Существует и другой тип утопических проектов. Суть их в том, что государственный или религиозный деятель, обладающий силой и властью, взяв за основу либо уже существующую, либо им самим сконструированную модель, старается ее реализовать. Это – случай демиурга.

Оба случая выбранных нами утопических проектов между собой связаны, как мы увидим, чрезвычайно важной для нашего общего сюжета тенденцией.

Это парадоксальное сочетание прекраснотушной мечты с неограниченным насилием.

Тот же Ежи Шацкий сказал со всей прямоотой: «Утопическая мысль приближается к революционности постольку, поскольку указывает на необходимость применения политических средств ради осуществления идеала, отвергая вместе с тем мысль, будто при этом можно обойтись без борьбы и насилия. Заметим кстати, что среди утопистов очень редко можно встретить апологетов насилия, но уж если утопист вступает на этот путь, он не остановится ни перед какой

¹³ Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 86.

крайностью. Убежденный в достоинствах своего проекта, он готов платить любую цену за его реализацию. Из любви к человечеству он будет сооружать гильотины, во имя вечного мира – вести кровавые войны. Ведь он максималист»¹⁴.

Один из сильнейших философских и историософских умов русской культуры Семен Людвигович Франк, размышляя о русской интеллигенции, писал: «Из великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть к людям, страсть к устройению земного рая становится страстью к разрушению»¹⁵.

Это соображение, столь простое, сколь и глубокое, имеет куда более общий смысл, нежели характеристика одного – утопического – аспекта русского интеллигентского миропредставления. Это точное определение опасности утопического сознания вообще.

Два очень разных исследователя проблемы пришли, как видим, к единому выводу.

Другой значительный русский философ, Николай Онуфриевич Лосский, подошел к проблеме с несколько иной стороны: «Даже абсолютные ценности в условиях психоматериального бытия зачастую требуют для обеспечения доступа к ним, для сохранения условия пользования ими таких действий, которыми разрушаются относительные ценности, дорогие и самоценные для тех или иных субъектов (<...>). Гени-

¹⁴ Там же. С. 137.

¹⁵ Франк Л. Этика нигилизма // Вехи. М., 1990. С. 193.

альные реформаторы вроде Петра Великого, разрушающие старые формы жизни, участники гражданских войн во время великих революций, борющиеся за абсолютные ценности, переживают тяжелую драму, внося в мир зло в борьбе за добро»¹⁶.

Если присмотреться к сущностным аспектам этих утопий, предшествовавших эпохе Петра, то обнаружится, что идеальные общества неизменно построены на той или иной форме насилия и стремятся к тому, что Петр называл «регулярностью», то есть к жесткой и контролируемой системе. Не говоря уже о том, что, как правило, возникновение утопических проектов связано с кризисами, чреватými насилием.

Знаменитое государство Платона – жесткая всеохватывающая система, разработанная им в диалогах «Критон», «Тимей», «Государство» и «Законы».

В своей классической истории античной философии Вильгельм Виндельбанд, тщательно проанализировав эти тексты, приходит к отчетливому выводу: «Философ требует (доводя до крайности политический принцип греков) от индивида, чтобы он совершенно растворился в государстве, а от государства, чтобы оно охватывало и определяло всю жизнь своих граждан». Обеспечивают реализацию этого принципа два высших сословия – философы и воины, объединенные в единой правящей группе стражей.

¹⁶ Лосский Н. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 303.

Все остальные «отдают государству свой долг, создавая своей работой материальную основу государственной жизни и подчиняясь руководству стражей». При этом жизнь последних должна быть урегулирована с самого рождения. «Платон, проникнутый сознанием важности деторождения, не хочет предоставить брак произволу индивидов, а устанавливает, чтобы правители государства заботились путем соответствующего отбора о нарождении здоровых следующих поколений. Но воспитание молодежи должно принадлежать в полном объеме государству»¹⁷

¹⁷ Виндельбанд В. История древней философии. М., 1911. С. 220.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.